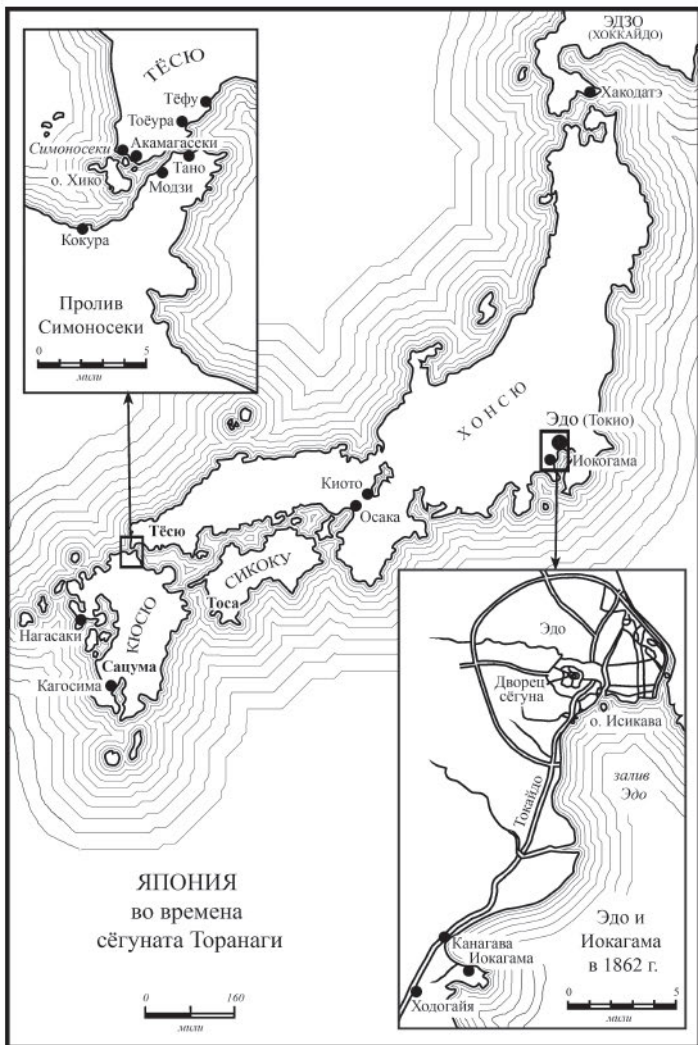

*Этот роман посвящается вам, кто бы вы ни были,
посвящается с глубокой благодарностью,
ибо без вас писатель во мне не мог бы существовать...*

Предисловие автора

«Гайдзин» означает «иностранец», «чужак». Действие романа разворачивается в Японии в 1862 году. Это не историческое, а прежде всего литературное повествование. Многие из описанных в нем событий представлены так, как о том свидетельствуют историки и исторические исследования, которые сами по себе не всегда обязательно излагают то, что происходило в действительности. В нем также не фигурируют какие-либо реальные лица или компании, которые существовали на самом деле или по чьим-то предположениям. Короли, королевы и императоры названы своими настоящими именами, как и несколько генералов и других высокопоставленных особ. За исключением этого я играл с *историей* — с ее где, как, кто, когда и почему, — воссоздавая свою собственную реальность и, возможно, показывая истинную картину того, что происходило на самом деле.

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Иокогама. 14 сентября 1862 года

Обезумев от ужаса, всадница во весь опор скакала назад к берегу моря, который лежал в полумиле впереди; страх заставил ее забыть об опасности: тропинки меж зеленеющими или покрытыми водой рисовыми полями были слишком узки и покаты для лошади, мчавшейся галопом. Солнце клонилось к закату. Девушка сидела на лошади боком, и хотя она слыла опытной наездницей, сегодня ей с трудом удавалось удержаться в дамском седле. Шляпка слетела с головы, зеленая амазонка — последнее творение парижской моды — была вся изорвана и забрызгана кровью; светлые рыжеватые волосы развевались на ветру.

Девушка стегнула лошадь, потом еще раз и еще. Впереди уже показались крошечные лачуги рыбацкой деревушки Иокогама, лепившиеся друг на друга у высокой ограды и каналов, окружавших со всех сторон Поселение, где жили иностранцы, за оградой всадница увидела шпили двух маленьких церквей и с благодарностью представила себе британские, французские, американские и русские торговые суда и десяток боевых кораблей, парусных и паровых, которые стояли в заливе по ту сторону Поселения.

Быстрее. По узким деревянным мостикам, через каналы и отводные каналы для воды, крест-накрест пересекавшие рисовые поля. Ее конь был в мыле, на боку

зияла глубокая рана, и он быстро терял силы. Вот он пугливо дернулся в сторону. Всадница едва не упала, но сумела удержать равновесие и в следующий миг свернула на широкую тропинку, которая пересекала деревню и вела к мосту через канал, опоясывавший Поселение; за мостом высились главные ворота, располагался пост самурайской стражи и японская таможня. Часовые — вооруженные двумя мечами самураи — заметили ее и двинулись наперерез, преграждая дорогу, но она вихрем промчалась мимо и оказалась на широкой главной улице Поселения, тянувшейся вдоль самого берега. Один из самураев бросился бегом, чтобы предупредить своего офицера. Девушка натянула поводья, тяжело дыша.

— *Au secours... a l'aide*, помогите!

Улица была почти пустынна, большинство жителей Поселения отдыхали после обеда, зевали над счетами в своих конторах или развлекались в увеселительных заведениях за оградой.

— Помогите! — выкрикивала она снова и снова, и те немногие, кто оказался в этот час на променаде, большей частью британские торговцы и свободные от службы солдаты и моряки, да еще несколько слуг-китайцев, удивленно подняли на нее глаза.

— Господь Вседержитель, погляди-ка туда! Это же та девчонка, из Франции которая...

— Что с ней такое? Бог мой, ты посмотри на ее одежду...

— Во-во, она самая, такую не скоро забудешь. Ангельские Грудки ее прозвали, приехала пару недель назад...

— Верно, ее зовут Анжелика... Анжелика Бичо или Ричо, какое-то такое имя, черт их там разберет, этих лягушатников...

— Господи, да она вся в крови!

Люди начали стекаться к ней, кроме китайцев, которые тут же исчезли, умудренные тысячелетним опытом встреч с неожиданными опасностями. В окнах домов замелькали встревоженные лица.

— Чарли, ну-ка давай за сэром Уильямом, быстро! Боже Всемогущий, посмотрите на ее лошадь, бедолага сейчас истечет кровью, позовите ветеринара, — выкрикнул дородный торговец. — А вы, солдат, быстро вызовите генерала и Главного Лягушатника, он ее опекун... о, ради бога, да посланника же, французского посланника. Торопитесь! — Он нетерпеливо ткнул пальцем в одноэтажное здание, над которым развевался французский флаг, и проревел: — Бегом марш!

Солдат со всех ног бросился в указанном направлении, а сам торговец тяжелой трусцой заспешил к девушке. Как и все торговцы, он носил цилиндр, суконный сюртук, тесные, в обтяжку, штаны, туфли и обильно потел на открытом солнце.

— Ради бога, что случилось, мисс Анжелика? — произнес он, хватаясь за поводья ее лошади и с ужасом глядя на забрызганные грязью и кровью лицо, одежду, волосы. — Вы ранены?

— *Moi, non...* нет, кажется, нет, но на нас напали... японцы напали на нас. — От страха ее все еще была крупная дрожь, грудь часто вздымалась после бешеной скачки. Пытаясь отдышаться и взять себя в руки, она откинула волосы с лица, потом настойчиво показала рукой вглубь острова, на запад, где на горизонте проступали очертания горы Фудзи. — Там... быстро... им нужна... им нужна помощь!

Те, кто стоял рядом, пришли в ужас и начали шумно передавать услышанное остальным и забрасывать ее вопросами. Кто? На кого напали? Это французы или британцы? Напали? Где? Снова эти ублюдки с двумя мечами? Где, черт побери, это произошло?..

Все больше и больше мужчин выбегало на улицу, надевая на ходу фраки, сюртуки и шляпы, у многих в руках уже были пистолеты и мушкеты, а у некоторых — американские ружья последнего образца, заряжавшиеся с казенной части. Один из таких, широкоплечий бородатый шотландец, сбегал со ступеней внушительного двух-

этажного здания. Над парадным крыльцом висела надпись «Струан и компания». Он решительно протолкался к девушке через ревушую толпу.

— Тихо, ради бога! — крикнул он и продолжил в разном наступившей тишине: — Быстро, расскажите нам, что случилось. Где молодой мистер Струан?

— О Джейми, *je...* я, я... — Девушка отчаянным усилием воли попыталась взять себя в руки; она выглядела совершенно потрясенной. — *O mon Dieu!* Боже мой...

Он протянул руку и мягко похлопал ее по плечу, успокаивая, как ребенка. Она была всеобщей любимицей, и он обожал ее, как и все остальные.

— Не тревожьтесь, теперь вы в безопасности, мисс Анжелика. Не спешите. Расступитесь, ради бога, дайте ей больше места! — Джейми Макфею было тридцать девять лет, он возглавлял отделение компании Струана в Японии. — А теперь расскажите нам, что произошло.

Она вытерла рукой слезы, откинула прилипшую к лицу прядь рыжеватых волос.

— Мы... на нас напали, напали самураи, — сказала она высоким тихим голосом с приятным акцентом. Все подались вперед, чтобы не пропустить ни слова. — Мы ехали... мы ехали по... по большой дороге... — Она снова показала рукой вглубь острова. — Вон там.

— Токайдо?

— Да, именно, Токайдо... — Эта большая прибрежная дорога, за пользование которой взималась подать, проходила примерно в миле к западу от Поселения и соединяла запретную столицу сёгуна, город Эдо, лежавший в двадцати милях к северу, с остальной Японией, также закрытой для всех иностранцев. — Мы... мы ехали верхом... — Она замолчала на мгновение, а потом слова полились словно сами собой: — Мистер Кентербери, Филип Тайрер, Малкольм... то есть мистер Струан... и я. Мы ехали верхом по дороге, а потом появились... как это сказать... длинная цепочка самураев со знаменами, и мы

ждали, чтобы дать им пройти, а потом мы... потом двое из них набросились на нас, они ранили мистера Кентербери, напали на Малкольма — мистера Струана, который выхватил пистолет, и на Филипа, который крикнул мне, чтобы я скакала за помощью. — Ее опять начала бить дрожь. — Скорее, им нужна помощь!

Люди уже бежали за лошадьми и оружием. Стали раздаваться гневные выкрики:

— Кто-нибудь, вызовите войска!..

— Где это случилось? — крикнул Джейми Макфей, перекрывая весь этот гвалт и сдерживая охватившее его безумное нетерпение. — Можете вы описать место, где это произошло, где точно?

— Рядом с дорогой, не доезжая Кана... что-то, что начинается на «Кана».

— Канагава? — спросил он, называя маленькую придорожную станцию и рыбацкую деревушку на Токайдо, в миле от них через залив — в трех с небольшим, если двигаться вдоль берега.

— *Oui...* да. Канагава! Скорее!

Из струановских конюшен уже выводили оседланных лошадей. Джейми вскинул ружье на плечо.

— Не волнуйтесь, мы быстро их разыщем. Но мистер Струан? Вы не видели, ему удалось спастись... его не ранили?

— *Non.* Я ничего не видела, только самое начало, несчастный мистер Кентербери, он... я ехала рядом с ним, когда они... — Слезы потоком хлынули у нее из глаз. — Я не оглядывалась назад, я подчинилась без... и прискакала, чтобы вы помогли им.

Ее звали Анжелика Ришо. Ей только что исполнилось восемнадцать. Сегодня она впервые выехала за ограду Поселения.

Джейми Макфей вскочил в седло, развернул лошадь и умчался. «Господь Всемогущий, — думал он, и сердце его сжималось от боли, — уже целый год, а то и больше,

у нас не было никаких инцидентов с японцами, иначе я ни за что не отпустил бы его. Это моя вина, Малколм — прямой наследник, и я отвечаю за него! Во имя Создателя, что же там, черт возьми, произошло?»

Макфей и ускакавшие с ним десяток торговцев, офицер и трое его драгун легко нашли Джона Кентербери на обочине Токайдо, но вот смотреть на него, не отводя взгляда, оказалось гораздо труднее. У него была отрублена голова, кругом валялись рассеченные на части конечности. Все тело покрывали ужасающие раны, методично нанесенные мечом; почти каждая из них была бы смертельной. Ни Тайрера, ни Струана нигде не было видно, как и колонны самураев, о которой рассказывала Анжелика. Никто из прохожих ничего не знал об убийстве, кто совершил его, когда и почему.

— Джейми, а не может так получиться, что двух других похитили? — спросил один из американцев, борясь с тошнотой.

— Не знаю, Дмитрий. — Макфей постарался заставить свой мозг работать. — Кому-то, наверное, нужно вернуться, сообщить сэру Уильяму и раздобыть... и привезти сюда саван или гроб.

С побелевшим лицом он внимательно изучал толпы проходивших мимо путников, которые нарочито избегали смотреть в его сторону, но при этом подмечали все.

Содержавшаяся в неизменном порядке, хорошо утрамбованная земляная дорога была заполнена упорядоченными потоками пешеходов, шагавших в сторону Эдо, который позже станет называться Токио, или прочь от него. Мужчины, женщины и дети всех возрастов, богатые и бедные, сплошь японцы, не считая изредка попадававшихся китайцев в длинных халатах. Большею частью мужчины, все в кимоно самого различного покроя, добротных или изрядно потрепанных, и в самых разнообразных шляпах из материи и соломы. Торговцы, поллунагие носильщики, буддийские монахи в оранжевых

одеяниях, земледельцы, отправлявшиеся на рынок или возвращавшиеся с него, странствующие предсказатели судьбы, писцы, учителя, поэты. Много носилок и паланкинов всех видов с людьми или товарами, которые несли два, четыре, шесть, а то и восемь носильщиков. Несколько самураев, шагавших вместе с толпой и выделявшихся горделивой походкой и высокомерным видом, с ненавистью посмотрели на них, проходя мимо.

— Они знают, кто это сделал, знают все до единого, — сказал Макфей.

— Можешь быть уверен. Мать их ети! — Дмитрий Сыбородин, к которому он обратился, плотно сбитый темноволосый американец тридцати восьми лет, в грубой одежде, был другом Кентербери и кипел от возмущения. — Мы, черт побери, запросто могли бы сейчас захватить одного из них!

Тут они заметили группу самураев из десяти-двенадцати человек, которые стояли у обочины дороги и наблюдали за ними. У многих в руках были луки, а все европейцы знали, с каким искусством самураи умеют ими пользоваться.

— Не так-то это просто, Дмитрий, — сказал Макфей.

Сеттри Паллидар, молодой драгунский офицер, отрывисто произнес:

— Справиться с ними будет очень легко, мистер Макфей, но делать это без надлежащего разрешения неразумно, если, конечно, они не попытаются напасть на нас первыми. Вам нечего опасаться. — С этими словами Паллидар отрядил одного драгуна в лагерь с приказом вернуться с небольшим отрядом и привезти гроб. Было видно, что американца задела за живое его покровительственные манеры. — Вам, наверное, стоит прочесать местность в округе. Когда мои люди придут, они вам помогут. Более чем вероятно, что остальные двое лежат, раненые, где-нибудь поблизости.

Макфей передернулся и указал на труп:

— Или в таком же виде?

— Возможно, но будем надеяться на лучшее. Вы трое берите на себя ту сторону, остальные пусть разворачиваются в цепь и...

— Эй, Джейми! — нарочно прервал его Дмитрий, ненавидевший офицеров, мундиры и солдат, особенно британских. — Как насчет того, чтобы нам с тобой доскакать до Канагавы? Может быть, в нашей миссии кто-нибудь что-то знает.

Паллидар не стал обращать внимания на враждебный тон, понимая его причину. Он был хорошо знаком с завидным послужным списком американца. Дмитрий был выходцем из казачьих переселенцев и являлся в прошлом кавалерийским офицером американской армии; его дед погиб, сражаясь против британцев в Американской войне 1812 года.

— Канагава — это удачная мысль, мистер Макфей, — сказал он. — Там обязательно должны знать, что за большая процессия самураев проходила здесь, а чем скорее мы отыщем виновного, тем лучше. Должно быть, это нападение произошло по приказу одного из их правителей или князей. На этот раз мы сможем точно установить личность этого выродка, и тогда да поможет ему Бог.

— Будь прокляты все выродки на свете! — многозначительно добавил Дмитрий.

Вновь капитан, великолепный в своем безупречно аккуратном и чистом мундире, не дал себя спровоцировать, но и не оставил его слова без ответа.

— Вы совершенно правы, мистер Сыбородин, — заметил он небрежным тоном. — И любому, кто назовет меня выродком, лучше побыстрее заручиться секундантом, выбрать пистолет или саблю, а также заранее запастись саваном и найти кого-нибудь, кто выроет ему могилу. Мистер Макфей, до заката времени у вас довольно. Я останусь здесь, пока не вернутся мои люди, потом присоединюсь к вам в ваших поисках. Если вы узнаете что-нибудь в Канагаве, пожалуйста, сообщите мне. — Ему было двадцать четыре года, и он боготворил свой полк.

Он посмотрел на пеструю группу торговцев с плохо скрытым презрением. — Предлагаю вам... джентльмены... начать поиски. Развернитесь в линию, но не теряйте друг друга из виду. Браун, вы отправитесь со второй группой и прочешите вон тот лесок. Сержант, вы за старшего.

— Есть, сэр. Поехали, ребята.

Макфей снял с себя сюртук и накрыл им тело, потом опять сел в седло. Со своим американским другом он поскакал в Канагаву, им нужно было проехать еще одну милю.

Драгунский офицер остался один.

Это не похоже на другие нападения, нападения одиночек, подумал он, чувствуя, как в нем поднимается злость. Черт побери, они сполна заплатят за то, что напали на этих четверых, среди которых была женщина, и так подло убили англичанина! Дело закончится войной.

За несколько часов до описанных событий три всадника и всадница выехали из главных ворот Поселения, миновали таможду, небрежно отдали честь стражникам-самураям, которые ответили на приветствие едва заметным поклоном, и лениво затрусили по извилистым тропинкам вглубь острова, направляясь к Токайдо. Все четверо считались прекрасными наездниками; лошади были легки на ногу.

В честь Анжелики мужчины надели свои парадные цилиндры и лучшие костюмы для верховой езды, и во всем Поселении не было человека, который бы не завидовал им. Всего в Поселении насчитывалось сто семнадцать постоянных жителей — дипломаты, торговцы, мясники, владельцы лавок, кузнецы, корабельщики, оружейники, искатели приключений, игроки и множество неудачников и эмигрантов, живущих на деньги, присылаемые с родины, в основном британцы, клерки из числа евразийцев или китайцев, немного американцев, французов, голландцев, немцев, русских, австралийцев и один

швейцарец. Ни одного ребенка. Пятьдесят-шестьдесят слуг-китайцев.

Джон Кентербери, британский торговец с красивым, резко очерченным лицом, выступал в роли проводника. Целью поездки было показать Филипу Тайреру, как верхом добраться до Канагавы, где время от времени происходили встречи с японскими чиновниками. Это место безусловно находилось в пределах отведенной для Поселения территории. Тайрер, которому шел всего двадцать второй год, прибыл вчера из Лондона через Пекин и Шанхай. Его прислали сюда в качестве вновь назначенного ученика-переводчика при Британской дипломатической миссии.

Утром, случайно услышав их беседу в клубе, к ним подошел Малкольм Струан:

— Вы позволите поехать с вами, мистер Кентербери, мистер Тайрер? Сегодня прекрасный денек для прогулки, и я бы хотел пригласить мисс Ришо присоединиться к нам — она еще совсем не видела страны.

— Почтем за честь, мистер Струан. — Кентербери мысленно благословил свою удачу. — Мы будем рады видеть вас обоих. Дорога удобная и живописная, хотя в самом селении смотреть почти не на что, особенно для леди.

— Вот как? — удивленно поднял глаза Тайрер.

— Канагава столетиями была оживленной почтовой станцией и традиционным местом отдыха для всех, кто следовал в Эдо и обратно. Там полным-полно чайных домиков, как здесь называют большинство борделей. Некоторые из них весьма и весьма заслуживают визита, хотя там мы не всегда такие желанные гости, как в нашей собственной Ёсиваре по ту сторону болота.

— Публичные дома? — переспросил Тайрер.

Его собеседники рассмеялись, увидев выражение его лица.

— Они самые, мистер Тайрер, — ответил Кентербери. — Только они совсем не похожи на ночлежные дома

и бордели в Лондоне или в любой другой стране мира. Они очень особенные. Да вы скоро и сами узнаете, хотя по традиции здесь каждый старается обзавестись собственной любовницей, если это ему по карману.

— Моего кармана на это никогда не хватит, — сказал Тайрер.

Кентербери рассмеялся:

— Может быть, и хватит. Благодарение Богу, курс обмена валют благоприятствует нам, о да, уж вы мне поверьте! Этот Таунсенд Харрис оказался продувной бес- тией.

Он довольно заулыбался, вспомнив старика-янки. Харрис был первым американским генеральным консулом, назначенным сюда через два года после того, как коммодор Перри заставил японцев открыть свою страну внешнему миру, сначала в 1853 году, а потом в 1856-м, появившись здесь со своими четырьмя Черными кораблями — первыми пароходами в японских водах. Четыре года назад, после долгих лет переговоров, Харрис подготовил Соглашения, впоследствии ратифицированные крупнейшими державами, которые открывали доступ иностранным судам в некоторые японские порты. Эти Соглашения также устанавливали крайне благоприятный обменный курс между «мексиканцем» — серебряным мексиканским долларом, универсальной платежной единицей Азии, — и японским золотым обаном, так что, если вы обменивали «мексиканцев» на обаны, а потом обратно на «мексиканцев», вы могли удвоить и даже утроить свой капитал.

— Пообедаем пораньше и в путь, — сказал Кентербери. — К ужину вернемся без опоздания, мистер Струан.

— Отлично. Может быть, вы не откажетесь присоединиться ко мне и отужинать в обеденном зале нашей фактории? Я даю небольшой банкет в честь мадемуазель Ришо.

— Весьма признателен за приглашение. Надеюсь, тайпан чувствует себя лучше?

— Да, гораздо лучше, отец вполне выздоровел.

И едва они отъехали от Поселения, он стал еще любезнее:

— О мистер Струан, вы... Как долго вы собираетесь пробыть здесь?

— Еще неделю или около того, потом домой, в Гонконг. — Струан был самым высоким и самым сильным из них троих. Бледно-голубые глаза, рыжевато-каштановые волосы и лицо, выглядевшее гораздо старше своих двадцати лет. — Мне здесь нечего делать, наши операции в отличных руках. Я говорю о Джейми Макфее. Он поработал для нас выше всех похвал, открывая Японию.

— Голова у него редкая, мистер Струан, и это факт. Лучше не бывает. Леди уедет с вами?

— Мисс Ришо? Думаю, она вернется со мной — от души на это надеюсь. Ее отец попросил меня присматривать за ней, хотя формально обязанности ее опекуна на то время, что она здесь, выполняет французский посланник, — сказал он словно между прочим, притворяясь, что не замечает, как вдруг осветилось лицо Кентербери или как Тайрер, совершенно покоренный девушкой, увлеченно беседует с Анжеликой по-французски, на котором Малкольм изъяснялся с большой осторожностью.

Местность была ровная и открытая, не считая густых зарослей бамбука да небольших рощиц, разбросанных тут и там; деревья уже были тронуты красками осени. Много уток и прочей дичи. На рисовых полях кипела работа, новые участки земли подготавливались для посевов. Узкие тропинки. Куда ни пойдешь, везде ручьи. Неистребимая вонь человеческих испражнений — единственного удобрения, употреблявшегося в Японии. Девушка и Тайрер, изящно держа в руках надушенные платки, не отнимали их от носа, хотя прохладный бриз с моря уносил с собой большую часть зловония и вместе с ним комаров, мух и других насекомых — неизбежное следствие влажного воздуха. Холмы вдалеке, сплошь покры-

тые густыми лесами, лежали как складки богатой парчи, тканной всеми оттенками красного, золотого и коричневого, — буки, багряные и желтые лиственницы, клены, дикие рододендроны, кедры и сосны.

— Там так красиво, не правда ли, мсье Тайрер? Как жаль, что сегодня не так хорошо видно гору Фудзи.

— *Oui, demain, il est lá! Mais mon Dieu, Mademoiselle, quelle senteur!*¹, — радостно отвечал Тайрер на прекрасном французском — обязательном дополнении к родному языку для каждого дипломата.

Кентербери чуть-чуть придержал лошадь и оказался рядом с Анжеликой, ловко оттеснив с этой позиции более молодого и менее опытного кавалера.

— Все в порядке, мадемуазель?

— О да, благодарю вас. Хорошо бы только немного проскакать галопом. Я так счастлива, что наконец-то очутилась за оградой.

С тех пор как она прибыла две недели назад с Малкольмом Струаном на пароходе компании, ходившем в Японию два раза в месяц, за ней был установлен самый тщательный присмотр и она нигде не появлялась без провожатых.

По-другому и быть не могло, думал Кентербери, в Иокогаме полно всякого отребья и, будем откровенны, иной раз даже пиратов, которые не станут церемониться с дамой.

— На обратном пути вы можете проскакать круг по ипподрому, если вам хочется.

— О, это было бы чудесно, благодарю вас.

— Вы замечательно говорите по-английски, мисс Анжелика, у вас восхитительное произношение. Вы посещали школу в Англии?

— Ла-ла, мистер Кентербери, — рассмеялась она, и его словно обдало жаром; нежность ее кожи, ее кра-

---

¹ Ничего, и завтра никуда не денется. Но, мой бог, мадемуазель, какой же отвратительный запах (*фр.*). — *Здесь и далее примеч. перев.*

сота кружили ему голову. — Я никогда не была в вашей стране. Моего младшего брата и меня воспитали тетя Эмма и дядя Мишель, она англичанка и всегда отказывалась говорить по-французски. Она была нам больше матерью, чем тетей. — На ее лицо легла тень. — Это было после того, как мама умерла, подарив жизнь брату, а отец уехал в Азию.

— О, простите, мне жаль это слышать.

— Это было очень давно, мсье, и я всегда думаю о моей дорогой тете Эмме как о маме. — Ее лошадь дернула поводья. Она бессознательным движением выправила ее, погруженная в свои мысли. — Мне очень повезло.

— Это ваша первая поездка в Азию? — спросил он, зная ответ на этот вопрос и на многие другие, просто стараясь разговорить ее. Обрывки информации о ней, слухи, сплетни перелетали от одного сраженного ею мужчины к другому.

— Да. — Вновь ее улыбка осветила его и согрела до глубины души. — Мой отец торговец в вашей колонии Гонконг. Я приехала к нему на один сезон. Он в дружбе с мсье Сератаром и любезно устроил для меня эту поездку. Вы, возможно, знаете отца, Ги Ришо из компании «Братья Ришо»?

— Ну конечно, весьма достойный джентльмен, — вежливо ответил он, никогда с ним не встречавшись. Он знал о ее отце только то, что рассказывали другие: Ги Ришо слыл изрядным волокитой, в остальном же был мелкой сошкой; он появился в Гонконге несколько лет назад и с тех самых пор лишь кое-как сводил концы с концами. — Для нас всех большая честь принимать вас здесь. Может быть, вы позволите мне дать обед в вашу честь в клубе?

— Благодарю вас, я спрошу у своего радушного хозяина, мсье Сератара. — Анжелика заметила, как Струан, ускакавший вперед, оглянулся, и весело помахала ему рукой. — Мистер Струан был настолько любезен, что предложил сопроводить меня сюда.

— В самом деле? — Словно мы и сами не знали об этом, усмехнулся про себя Кентербери и задумался о ней, о том, как ему можно было бы поймать и удержать подле себя это сокровище и заработать достаточно денег, чтобы позволить себе роскошь иметь его, задумался о блестящем молодом Струане, которому это было куда как по карману, задумался также о слухах, что между компанией Струана и их главным соперником в торговле, компанией «Брок и сыновья», вновь разгорается борьба за господство, связанная каким-то образом с Гражданской войной в Америке, начавшейся в прошлом году.

Да, тут будет чем поживиться. Второй такой возможности заработать огромные деньги, как война, не существует. Обе стороны уже вцепились друг другу в глотки как одержимые: южные штаты более чем достойный противник для янки.

— Анжелика, смотрите! — Струан придержал поводья и вытянул вперед руку.

В сотне ярдов от них, у подножия отлогого невысокого склона, шла большая дорога. Они все подъехали к нему и встали рядом.

— Я никогда не думал, что Токайдо окажется настолько широкой дорогой и что здесь будет так многолюдно, — сказал Филип Тайер.

Не считая всего нескольких всадников, люди шли пешком.

— Но... но где же кареты, повозки, телеги? — вырвалось у нее. — И самое главное — где нищие?

Струан расхохотался:

— Ответ прост, Анжелика. Как почти все остальное в этой стране, они запрещены. — Он тронул свой цилиндр, заломив его покруче. — В Японии не разрешается пользоваться колесами или чем-то, что способно их заменить. Приказ сёгуна. Никакими абсолютно!

— Но почему?

— Это единственный верный способ держать все остальное население в узде, не правда ли?

— Да уж, действительно, — сардонически рассмеялся Кентербери, потом показал рукой на дорогу. — Прибавьте к этому еще и то, что каждый Том, Дик или Мэри в этой толпе, знатные они или нет, обязаны иметь при себе дорожные документы, разрешение путешествовать, даже просто находиться за пределами своей родной деревни — один закон для князя и для нищего. А вон посмотрите туда, это самураи — они единственные люди во всей Японии, которые имеют право носить оружие.

— Но как страна вообще может существовать без дилижансов и железных дорог? — Тайрер был озадачен.

— Она существует на японский манер, — сказал ему Кентербери. — Никогда не забывайте, что у японцев есть только один способ делать дела. Только один. Их собственный. Эти ребята единственные в своем роде, и уж на кого они точно не похожи, так это на китайцев, а, мистер Струан?

— Никак не похожи.

— Нигде никаких колес, мисс. Поэтому всё: любые товары, пища, рыба, мясо, строительные материалы, каждый мешок риса, вязанка дров, рулон ткани, ящик чая, бочонок с порохом, каждый мужчина, женщина или ребенок, которые могут себе это позволить, — решительно всё должно быть перенесено на чьей-то спине или отправлено в лодке, что означает морем, потому что рек, пригодных для навигации, как я слышал, у них нет совсем, только тысячи ручьев и речушек.

— Но как же насчет Поселения? Там ведь колеса разрешаются, мистер Кентербери.

— Верно, мисс, разрешаются. У нас там столько колес, сколько нужно, хотя их чиновники упирались, как сучьи... прошу прощения, мисс, — быстро добавил он, смутившись. — Здесь, в Азии, мы отвыкли от дамского общества. Так вот, эти чиновники, их называют бакуфу, они тут вроде нашей государственной службы, спорили насчет колес целые годы, пока наш посланник не сказал

им катиться к... ну, э-э, он сказал, чтобы они прекратили возражать, потому что наше Поселение — это наше Поселение! Что же до нищих, то они тоже запрещены.

Она трянула головой, и перо на ее шляпке весело заплясало.

— Это кажется мне невозможным. Париж, он... Париж заполнен ими, как и вся Европа; с нищенством невозможно бороться. *Mon Dieu*, Малкольм, вспомните ваш Гонконг.

— Столько нищих, сколько в Гонконге, нет нигде, — кивнул Малкольм Струан с улыбкой.

Кентербери как-то странно улыбнулся:

— Нищих нет, потому что сам всемогущий правитель всей этой страны, сёгун, сказал: нищих не будет. Так что это закон. Любой самурай может проверить, хорошо ли отточен его клинок, на любом нищем, когда пожелает, — или на любом другом содомите... пардон... или, раз уж на то пошло, вообще на ком угодно, если только тот не самурай. Если вас ловят, когда вы просите милостыню, значит вы нарушили закон, поэтому вы отправляетесь в каталажку, в тюрьму, а для всех попавших туда наказание одно — смерть. Это тоже закон.

— И другого наказания нет? — спросила девушка, глубоко потрясенная услышанным.

— Боюсь, что нет. Вот и получается, что все японцы на удивление законопослушный народ. — Кентербери опять усмехнулся с иронией и посмотрел на извилистую дорогу, обрывавшуюся в полумиле от них перед широкой мелкой речушкой, которую каждому путнику приходилось пересекать вброд, если он не хотел платить, чтобы его перенесли. На дальнем берегу стояла дорожная застава. Там все с поклоном предъявляли документы неизменным стражникам-самураям.

— Смотрите, — сказала Анжелика.

На Токайдо они увидели группы людей, которые остановились и показывали руками в их сторону, удивленно разинув рот и громко переговариваясь, перекры-

вая никогда не смолкающий на дороге гул. На многих лицах читались ненависть и страх.

— Не обращайтесь на них внимания, мисс, мы просто странно выглядим для них, вот и все, что с них спрашивать. Очень возможно, что вы первая цивилизованная женщина, которую они видят в своей жизни. — Кентербери показал рукой на север. — Эдо в той стороне, милях примерно в двадцати. Разумеется, для нас он закрыт.

— За исключением официальных делегаций, — заметил Тайрер.

— Правильно, при наличии разрешения, которого сэр Уильям так ни разу и не получил, по крайней мере за то время, что я здесь, а я прибыл одним из первых. Если верить слухам, Эдо в два раза больше Лондона, мисс, в нем живет миллион душ и он фантастически богат, а замок сёгуна — самый большой в мире.

— А может оказаться так, что все это просто слухи, мистер Кентербери? — спросил Тайрер.

Торговец лучезарно улыбнулся:

— Врать они мастера, мистер Тайрер, и это святая правда. В этом им нет равных во всем мире, и любой китаеза рядом с ними покажется вам архангелом Гавриилом. Не завидую я вам, кому придется переводить то, что они говорят, потому что, Господь мне свидетель, это будет совсем не то, что они хотят сказать!

Обычно Кентербери не был так разговорчив, но сегодня он имел твердое намерение произвести впечатление на девушку и Малкольма Струана своими познаниями, раз уж представилась такая возможность.

— Малкольм, а мы не могли бы получить разрешение отправиться туда? — поинтересовалась Анжелика. — В это Эдо.

— Сомневаюсь. Почему бы вам не спросить у мсье Сератара?

— Спрошу. — Она заметила, что он произнес имя правильно, опустив некое «д» на конце, как она его учила. — Где она заканчивается, эта дорога?

После странной паузы Кентербери произнес:

— Мы не знаем. Вся страна для нас сплошная загадка, и совершенно ясно, что японцы хотят сохранить такое положение вещей и впредь и что мы им не нравимся, никто из нас. Нас здесь называют гайдзинами, «чужими людьми». Есть еще одно слово — «идзин», оно означает «люди, не похожие на нас». Не знаю, в чем тут разница, кроме того, что «гайдзин», говорят, звучит не так вежливо. — Он рассмеялся. — В любом случае любви к нам они не испытывают. И мы действительно отличаемся от них... или они от нас. — Он закурил сигару. — В конце концов, они держали свою Японию закупоренной плотнее, чем комариная... держали закрытой ото всех почти два с половиной века, пока Старик Перри Бакенбарды не выбил пробку девять лет назад, — сказал он с восхищением. — По слухам, Токайдо заканчивается в большом городе, вроде как бы священном, под названием Киото, где живет их верховный жрец — его зовут микадо. Этот город такой особенный и священный, что, как нам говорили, закрыт вообще для всех, кроме очень немногих избранных японцев.

— Дипломатам позволено совершать поездки вглубь страны, — довольно резко заметил Тайрер. — Это разрешается Соглашениями, мистер Кентербери.

— Тут все зависит от того, как понимать эти Соглашения, и еще от того, хотите ли вы сохранить голову на плечах. Я не советовал бы выходить за безопасную территорию, о которой мы условились с японцами, это несколько миль на север, на юг и вглубь острова, что бы там ни писали в Соглашениях, — пока еще нет, разве что вас будет сопровождать полк солдат, а то и два. — Несмотря на все свое самообладание, он чувствовал, что полная грудь девушки под зеленым облегающим жакетом завораживает его. — Мы здесь как в садке, но тут не так уж плохо. В нашем Поселении в Нагасаки, это две сотни лиг на запад, то же самое.

— «Лиг»? Я не понимаю, — сказала Анжелика, пряча удовольствие, которое доставляло ей окружающее ее вождение, и втайне забавляясь им. — Пожалуйста?